

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

МИГЕЛЬ ДЕ
СЕРВАНТЕС

ДОН КИХОТ

МОСКВА
2024

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
С32

Miguel de Cervantes Saavedra

EL INGENIOSO HIDALGO DON QUIJOTE DE LA MANCHA

Сокращенный перевод с испанского Бориса Энгельгардта

Печатается по изданию: Сервантес Сааведра М. де.

Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский.

Л.: Детская литература, 1977.

Художественное оформление серии *Натальи Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника *Жана-Батиста Давида*

Сервантес, Мигель, де.

С32 Дон Кихот / Мигель де Сервантес ; [перевод с испанского Б. Энгельгарта]. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-154008-1

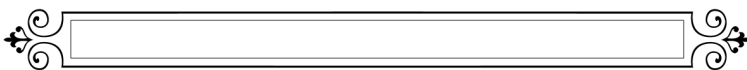
Одно из наиболее популярных произведений мировой литературы и просто невероятно увлекательная книга о приключениях мелкого дворянина, вообразившего себя средневековым «рыцарем без страха и упрека», который не боится показаться смешным в своем утопическом стремлении сделать мир лучше.

Роман о надежде и отчаянии, мудрости и сумасбродстве вот уже более четырех веков стоит в первой десятке величайших книг человечества. Имена главных героев — Дон Кихот, Санчо Панса, Дульсинья — давно стали нарицательными. История, переведенная на многие языки мира, легла в основу фильмов, сериалов и прославленного балета.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-154008-1

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА I,
*в которой рассказывается,
кто такой был Дон Кихот Ламанчский*

В скромной деревушке провинции Ламанчи жил идалго¹ по имени дон Кехана. Как и всякий дворянин, он гордился своим благородным происхождением, свято хранил древний щит и родовое копье и держал у себя на дворе тощую клячу и борзую собаку. Три четверти его доходов уходили на похлебку из овощей с говядиной да винегрет, который ему подавали на ужин; по пятницам он постился, довольствуясь тарелкой варенной на воде чечевицы, зато по воскресеньям лакомился жареным голубем. В праздничные дни дон Кехана надевал кафтан из тонкого сукна, бархатные штаны и сафьяновые туфли, а в будни носил костюм из грубого сукна домашней работы. В доме у него жила экономка, которой перевалило за сорок лет, племянница, которой не было еще двадцати, и старый, дряхлый слуга. Самому идалго было лет под пятьдесят; он был тощ как скелет — кожа да кости, но, несмотря на ужасную худобу, отличался большой выносливостью.

Все свое свободное время, а свободен дон Кехана был круглые сутки, он посвящал чтению рыцарских романов. Он предавался этому занятию с восторгом и страстью; ради него он забросил охоту и хозяйство. Увлечение его дошло до того, что он, не задумываясь, продал порядочный кусок пахотной земли, чтобы закупить себе рыцарских книг.

В романах нашему идалго особенно нравились высокопарные любовные письма и торжественные вызовы на по-

единки, где нередко попадались такие фразы: «Правота, с которой вы так не правы к моим правам, делают мою правоту столь бесправной, что я не без права жалуюсь на вашу правоту...» или: «...высокие небеса, которые своими звездами божественно укрепляют нашу божественность и удостаивают все достоинства, достойные вашего величия...» Случалось, что бедный кабальеро проводил целые ночи, силясь разгадать смысл этих фраз, от которых у него мутилось в голове и заходил ум за разум. Смущали его и другие несообразности, то и дело попадавшие в его любимых романах. Так, например, ему трудно было поверить, чтобы знаменитый рыцарь Бельянис мог нанести и получить так много ужасных ран; ему казалось, что, несмотря на все искусство врачей, лечивших этого рыцаря, лицо и тело его должны быть покрыты уродливыми шрамами. А между тем в романе Бельянис выступал всегда молодым красавцем, без всяких рубцов и изъязнов.

Впрочем, все это не мешало дону Кехане до самозабвения увлекаться описаниями бесчисленных приключений и подвигов доблестных героев романов. Ему всегда очень хотелось узнать их дальнейшую судьбу, и он бывал в восторге, если автор на последней странице книги обещал продолжить свою нескончаемую историю в следующем томе. Нередко наш кабальеро вел долгие споры со своим другом-священником о том, чья доблесть выше: Пальмерина Английского или же Амадиса Галльского². Дон Кехана стоял за Амадиса, священник — за Пальмерина³, а местный цирюльник, мастер Николас, утверждал, что ни одному из них не сравниться с рыцарем Феба, который, по его мнению, превосходил жеманного Амадиса выносливостью и мужеством, а Пальмерина — отвагой и ловкостью.

Постепенно добрый идальго до того пристрастился к чтению, что читал от рассвета до сумерек и от сумерек до утренней зари. Он забросил все свои дела, почти лишился сна и нередко забывал об обеде. Голова его была полна всяких нелепых историй, вычитанных в рыцарских книгах, и он наяву бредил кровавыми битвами, рыцарскими поединками, любовными свиданиями, похищениями, злыми магами и добрыми волшебниками. Мало-помалу он совсем перестал от-

личать правду от выдумки, и ему казалось, что на всем свете нет ничего достовернее этих историй. Он с таким пылом толковал о героях различных романов, словно это были лучшие его друзья и знакомые.

Он соглашался, что Сид Руй Диас⁴ был доблестным рыцарем, но прибавлял, что ему далеко до Рыцаря Пламенного Меча, который одним ударом рассек пополам двух могучих великанов. Несколько выше он ставил Бернарда де Карпио, одолевшего в Ронсевальском ущелье непобедимого Роланда⁵. Очень лестно отзывался о великане Моргайте, который — не в пример прочим гигантам — отличался любезностью и вежливостью. Но всего более восхвалял он Рейнальдо Монтальбанского, славного похитителя золотого идола Магомета и героя бесчисленных дорожных приключений.

В конце концов от вечного сидения в четырех стенах, бессонных ночей и непрерывного чтения бедный идалго совсем рехнулся. И тут ему в голову пришла такая странная мысль, какая никогда еще не возникала ни у одного безумца в мире. Наш кабальеро решил, что он сам обязан вступить в ряды странствующих рыцарей. Ради своей собственной славы, ради пользы родной страны он, дон Кехана, должен вооружиться, сесть на коня и отправиться по свету искать приключений, защищать обиженных, наказывать злых, восстанавливать попорченную справедливость. Воспламенившись мечтами о великих подвигах, которые ему предстояло совершить, идалго поспешил привести в исполнение свое решение. Первым делом он вычистил доспехи, которые принадлежали его прадедам и валялись где-то на чердаке, покрытые вековой ржавчиной и пылью; перебирая их, он, к своему глубокому огорчению, увидел, что от шлема сохранился только один шишак. Чтобы поправить дело, идалго пришлось призвать на помощь всю свою изобретательность. Он вырезал из картона забрало и наушники и прикрепил их к шишаку. В конце концов ему удалось смастерить нечто вроде настоящего шлема. Тут ему захотелось испытать, сможет ли этот шлем устоять в битве. Он выхватил шпагу, размахнулся и нанес ею два удара по шлему. От первого же удара забрало разлетелось на куски, и весь его

кропотливый труд пропал даром. Идальго был очень огорчен таким исходом дела. Он снова принялся за работу, но теперь для прочности подложил под картон железные пластинки. Эта предосторожность показалась ему вполне достаточной, и он счел излишним подвергать свой шлем вторичному испытанию. Без труда он убедил себя в том, что у него настоящий шлем с забралом тончайшей работы.

Затем дон Кехана отправился в конюшню и внимательно осмотрел свою лошадь. Это была старая, больная кляча; по правде говоря, она только и годилась на то, чтобы возить воду. Однако наш кабальеро остался вполне доволен ее видом и решил, что с ней не могут сравниться ни могучий Буцефал Александра Великого⁶, ни быстроногая Бабьека Сиды⁷. Целых четыре дня ушло у него на то, чтобы приискать своему боевому коню звучное и красивое имя, ибо он полагал, что раз хозяин меняет свою скромную жизнь в деревенской глуши на бурное поприще странствующего рыцаря, то его лошадь должна переменить свою деревенскую кличку на новое, славное и громкое имя. Долго он мучился, изобретая различные прозвища, сравнивая их, обсуждая и взвешивая. Наконец он остановился на имени Росинант. Это имя казалось ему звучным и возвышенным. Сверх того, оно заключало в себе указание на то, чем была лошадь раньше, ибо дон Кехана составил его из двух слов: *rosin* (кляча) и *antes* (раньше), так что оно означало: «бывшая кляча».

Дав столь удачное прозвище своей лошади, он решил, что теперь ему нужно придумать подходящее имя и для самого себя. В этих раздумьях прошла неделя, но наконец у него возникла блестящая мысль: он просто переделал свое скромное имя Кехана в более звучное — Дон Кихот.

Но тут наш кабальеро вспомнил, что отважный Амадис, желая, чтобы имя его родины было прославлено вместе с его собственным именем, всегда называл себя не просто Амадисом, но Амадисом Галльским. Дон Кихот решил последовать примеру этого доблестного рыцаря и впредь именовать себя Дон Кихотом Ламанчским. Теперь все было хорошо: сразу было видно, кто он и откуда, так что его родная страна могла разделить с ним славу его подвигов.

И вот, когда оружие было вычищено, шлем с забралом починен, кляча получила новую кличку и он сам переименовал имя, ему осталось только подыскать себе даму сердца, ибо известно, что странствующий рыцарь без дамы сердца подобен дереву без листьев и плодов. Дон Кихот говорил о себе: «Если по воле судьбы я повстречаюсь с великаном (а это нередко случается со странствующими рыцарями) и в первой же схватке повергну его на землю и заставлю просить пощады, то, по законам рыцарства, я должен буду отослать его к моей даме. Он войдет к моей нежной повелительнице, упадет на колени и покорно и смиренно скажет: „Я великан Каракульямбро, царь острова Малиндрании. Меня победил на поединке достойный рыцарь Дон Кихот Ламанчский. Он велел мне предстать перед вашей милостью, дабы ваше высочество распорядилось мной по своему усмотрению...”» «О! — воскликнул идадьго, — я непременно должен иметь даму сердца: только она одна может достойно наградить доблесть рыцаря. Но где же ее найти?» И Дон Кихот погрузился в мрачное раздумье. Но вдруг счастливая мысль озарила его ум. Он вспомнил об одной хорошенькой крестьянке из соседнего села, звали ее Альдонса Лоренсо; ее-то и решил наш рыцарь наградить титулом дамы своего сердца. Подыскивая для нее имя, которое бы не слишком отличалось от ее собственного, но вместе с тем напоминало бы имя какой-нибудь принцессы или знатной сеньоры, он решил окрестить ее Дульсинеей Тобосской, так как она была родом из Тобосо. Это имя казалось ему выразительным и мелодичным и вполне достойным той особы, во славу которой он должен был совершить свои подвиги.

ГЛАВА II,

*в которой рассказывается о первом выезде
Дон Кихота из своих владений*

Когда все эти приготовления были закончены, Дон Кихот решил не мешкая покинуть свой дом и пуститься на поиски рыцарских приключений. Ему казалось, что в таком деле всякое промедление — великий грех перед человечеством:

сколько оскорбленных ждут отмищения, сколько обездоленных ждут защиты, сколько угнетенных ждут освобождения! И вот в один прекрасный летний день он поднялся до рассвета, облекся в свои доспехи, надел на голову убогий шлем, стянул покрепче его зеленые завязки, вскочил на Росинанта, схватил щит, взял в руки копьё и тайно от всех через задние ворота скотного двора выехал в поле, радуясь, что ему удалось наконец приступить к столь славному делу. Но не успел он выбраться на дорогу, как ему пришла мысль, такая ужасная, что он едва не вернулся домой. Дон Кихот внезапно вспомнил, что он еще не посвящен в рыцари и что по рыцарским законам он не мог и не смел вступить в бой ни с одним рыцарем. А если бы даже он и был посвящен, то ему полагалось первое время носить белые доспехи и не ставить на своем щите никакого девиза, чтобы всем было сразу видно, что он еще новичок в рыцарском деле. Долго стоял Дон Кихот, не зная, на что решиться, однако страстное желание немедленно пуститься в путь одержало верх над всеми его сомнениями. Он решил, что посвятить его в рыцарский сан он попросит первого же рыцаря, который ему встретится на пути. Так, по крайней мере, поступали многие герои тех романов, чтение которых довело нашего идадьго до такого плачевного состояния. А что касается белых доспехов, то он дал себе слово так начистить свои латы, чтобы они стали белее горностая. Приняв это решение, он успокоился и продолжал свой путь, вполне предавшись на волю лошади: так, по его мнению, и должен был путешествовать странствующий рыцарь.

Росинант плелся шагком, и наш кабальеро мог спокойно отдаться своим размышлениям.

— Когда будущий историк моих подвигов, — говорил себе Дон Кихот, — станет описывать мой первый выезд, он, наверное, так начнет свое повествование: «Едва светлокудрый Феб⁸ распустил по лицу земли золотые нити своих прекрасных волос, едва пестрые птички нежной гармонией своих мелодичных голосов приветствовали появление Авроры, как знаменитый рыцарь Дон Кихот Ламанчский вскочил на сво-

его славного коня Росинанта и пустился в путь по древней Монтельской равнине».

Затем он прибавил:

— Счастлив будет тот век, когда наконец мои славные деяния будут занесены на бумагу, изображены на полотне, запечатлены в мраморе. Но кто бы ты ни был, мудрый волшебник, мой летописец, прошу тебя, не забудь о моем добром Росинанте.

Потом он вспомнил и о своей даме сердца:

— О принцесса Дульсинея, владычица моего плененного сердца! Горькую обиду вы мне причинили, изгнав меня и с суровой непреклонностью повелев мне не показываться на глаза вашей несравненной красоте. Да будет вам угодно, сеньора, вспомнить о покорном вам рыцаре, который из любви к вам готов переносить величайшие мучения.

В этих излияниях и мечтах прошло довольно много времени. Дон Кихот медленно ехал по пыльной дороге. Солнце уже успело подняться высоко и парило с такой силой, что могло расплавить и те жалкие остатки мозга, какие еще оставались в голове у бедняги. Так проездил он целый день, не повстречав ничего замечательного. Это привело его в полное отчаяние, потому что ему хотелось как можно скорее встретить какое-нибудь приключение и испытать силу своей могучей руки. К вечеру и он сам, и его кляча выбились из сил и умирали с голоду. Дон Кихот начал поглядывать во все стороны в надежде увидеть какой-нибудь замок или пастушью хижину, где бы можно было отдохнуть и подкрепиться. Надежда его не обманула: неподалеку от дороги он заметил постоялый двор; наш рыцарь прищпорил Росинанта и подъехал к постоялому двору как раз в ту минуту, когда начало смеркаться. Не будем забывать, что воображению нашего искателя приключений все окружающее представлялось не таким, каким оно было в действительности, но каким его рисовали любимые рыцарские романы. Поэтому, увидев постоялый двор, он тотчас же решил, что это замок с четырьмя башнями и крышами из блестящего серебра, с подъемным мостом и глубоким рвом. Он приблизился к этому воображаемому замку и в несколь-

ких шагах от ворот остановил Росинанта, ожидая, что между зубцами башни появится какой-нибудь карлик и затрубит в трубу, извещая о прибытии рыцаря. Как раз в эту минуту какой-то свинопас, собирая свое стадо, затрубил в рог, и Дон Кихот решил, что это карлик оповещает о его прибытии.

Дон Кихот постучал копьем в ворота гостиницы, и на стук вышел хозяин, человек весьма тучный, а посему очень миролюбивый. Взглянув на странного всадника в диковинном вооружении, хозяин едва не расхохотался. Однако грозный вид воинских доспехов Дон Кихота внушал ему почтение, и он чрезвычайно вежливо произнес:

— Если вашей милости, сеньор рыцарь, угодно здесь остановиться, вы найдете у нас все, что пожелаете, кроме удобной постели: ни одной свободной кровати нет в нашей гостинице.

Услышав, как почтительно говорил с ним комендант замка, Дон Кихот ответил:

— Что бы вы мне ни предложили, сеньор кастелян, я всем останусь доволен, ибо, как говорится:

Мой наряд — мои доспехи,
А мой отдых — жаркий бой.

— Значит, для вашей милости ложем служит твердый камень, а сном — постоянное бодрствование? Если так, то благоволите слезть с коня и будьте уверены, что найдете у меня все необходимое и сможете провести без сна не только одну ночь, а хоть целый год.

С этими словами он придержал стремя, а Дон Кихот спешился с большим трудом и усилиями, ибо целый день ничего не ел.

Затем он попросил хозяина особенно позаботиться о Росинанте, добавив, что это лучшее из всех животных, питающихся ячменем. Взглянув на Росинанта, хозяин совсем не нашел его таким замечательным, как говорил Дон Кихот, однако поостерегся высказать свое мнение вслух, взял лошадь под уздцы и повел в конюшню. Тем временем Дон Кихот принялся снимать доспехи. В этом трудном и сложном деле ему помогали две подошедшие служанки. Само собой разумеет-

ся, что Дон Кихот принял их за знатных дам, владелиц замка. Общими усилиями им удалось снять латы, но узлы зеленых лент, которыми был завязан на шее шлем, так затянулись, что развязать их было невозможно. Оставалось только разрезать ленты. Однако Дон Кихот не согласился на это, решив лучше промучиться всю ночь в шлеме. Пока женщины стаскивали с него доспехи, Дон Кихот торжественно разглагольствовал о своих будущих подвигах, о славном коне Росинанте, о своей безмерной благодарности изящным дамам и с чувством декламировал нелепые стихи собственного сочинения:

Никогда так нежно дамы
Не пеклись о паладине ⁹,
Как пеклись о Дон Кихоте,
Из своих земель прибывшем:
Служат фрейлины ему.
Скакуну его — графини,

то есть Росинанту, ибо так зовут моего коня, благородные сеньоры, а мое имя — Дон Кихот Ламанчский. Правда, мне не хотелось открывать мое имя, пока великие подвиги не прославят его по всему миру. Но утаить его было бы невежливо по отношению к вам, мои сеньоры. Впрочем, скоро наступит время, когда доблесть моей руки покажет, как горячо я хочу вам служить.

Смущенные служанки не знали, что ответить на такие речи, и потому скромно молчали.

Между тем вернувшийся из конюшни хозяин спросил Дон Кихота, не угодно ли ему чего-нибудь.

— Я бы охотно закусил, — ответил идалго, — ибо мне необходимо подкрепить свои силы.

Как нарочно, была пятница, и во всей гостинице не нашлось ничего другого, кроме соленой рыбы.

Хозяин принес Дон Кихоту вареной трески и кусок хлеба, такого же черного и заплесневевшего, как и доспехи рыцаря. Трудно было не расхохотаться, видя, с каким мучением ел Дон Кихот: дурацкий шлем мешал ему добраться до рта ложкой. Сам он не мог поднести куска к губам, нужно было, чтобы

кто-нибудь клал ему пищу прямо в рот. Но напоить его было совсем невозможно, если бы хозяин не принес тростинку; один конец тростинки он вставил в рот Дон Кихоту, а через другой лил вино. Дон Кихот переносил все это с большим терпением, лишь бы только не разрезать завязок шлема. В это время случайно зашедший на постоялый двор крестьянин заиграл на своей камышовой дудке. Этого было довольно, чтобы Дон Кихот окончательно поверил, что попал в какой-то великолепный замок, что на пиру играет музыка, что соленая треска — самая свежая форель, что серый хлеб — белая булка, а хозяин постоялого двора — владелец замка. Поэтому он был в восторге от своего первого выезда. Беспокоило его только одно — что он не был еще посвящен в рыцари и его в любое время могли объявить самозванцем.

ГЛАВА III, *в которой рассказывается о том, как Дон Кихот был посвящен в рыцари*

Удрученный этими мыслями, Дон Кихот поспешил закончить свой скудный ужин. Встав из-за стола, он отозвал хозяина в сторону, повел его в конюшню и, бросившись там перед ним на колени, начал так:

— О доблестный рыцарь, я не встану с места, пока ваша любезность не соизволит исполнить мою просьбу. То, о чем я вас собираюсь просить, послужит на славу вам и на благо человеческому роду.

Увидев, что гость стоит на коленях, и услышав странные речи, хозяин в первую минуту совсем растерялся и, разинув рот, смотрел на Дон Кихота, не зная, что делать и что говорить. Оправившись от изумления, он принялся упрашивать Дон Кихота подняться, но тот ни за что не хотел встать, пока наконец хозяин не обещал исполнить его просьбу.

— Я был уверен, сеньор, что по безграничному благородству вашему вы не откажетесь исполнить мою просьбу, — сказал Дон Кихот. — Я прошу у вас как милости, чтобы завтра

на рассвете вы посвятили меня в рыцари. Всю эту ночь я буду бодрствовать над оружием в часовне вашего замка, а на рассвете вы свершите надо мной обряд посвящения¹⁰. Тогда я получу наконец все права странствующего рыцаря и пушусь на поиски приключений. Мое оружие будет служить делу утверждения правды и справедливости на земле, ибо таково назначение того великого рыцарского ордена, к которому я и принадлежу и подвиги которого прославляются по всему миру.

Тут хозяин, который и раньше подозревал, что Дон Кихот рехнулся, окончательно убедился в этом и, чтобы хорошенько позабавиться, решил потакать его сумасбродству. Поэтому он ответил Дон Кихоту, что желание и просьба его вполне разумны, что, судя по его гордому виду и манерам, он, должно быть, благородный рыцарь и что подобное намерение вполне достойно его звания. «Я и сам, — прибавил хозяин, — занимался в молодости этим почетным ремеслом. В поисках приключений шатался я по всей Испании, побывал в Севилье, Гренаде, Кордове, Толедо и многих других городах: я ввязывался в различные проказы, скандалы и драки, так что прославился по всем судам и тюрьмам Испании. Но на склоне дней я угомонился: живу спокойно в этом замке и принимаю у себя всех странствующих рыцарей, какого бы звания и состояния они ни были. Я делаю это единственно по моей великой любви к ним, но, конечно, с условием, чтобы в награду за мое доброе отношение они делились со мной своим достоянием». Затем хозяин сказал, что в замке нет часовни, где можно было бы провести ночь, бодрствуя над оружием. Но ему известно, что в случае необходимости рыцарские законы разрешают провести ночь перед посвящением где угодно. Поэтому Дон Кихот может стать на стражу оружия во дворе замка, а завтра, если соизволит Бог, он со всеми должными церемониями будет посвящен в рыцари, да еще в такие, каких никогда не видывали на свете.

Под конец трактирщик осведомился, есть ли у Дон Кихота при себе деньги. Тот ответил, что у него нет ни гроша, так как ни в одном романе ему не приходилось читать, чтобы